

Но главное в книге — наиболее полное, очень широкое и последовательное воплощение ленинской концепции творчества Толстого. Применительно ко всему творчеству великого художника с самым детальным анализом его эволюции работа М. Б. Храпченко, пожалуй, не имеет себе подобных.

Ленинскую мысль о «действительно великом художнике», который не может не отразить некоторых из существенных сторон революции, исследователь интерпретирует очень широко и, в частности, приходит к принципиально новым выводам относительно эволюции Толстого, периодизации его творчества. Сама возможность относительной самостоятельности гениального художественного сознания, хотя и подвергаемого воздействию слабых и даже ошибочных доктрин, может служить основой единства и последовательности даже столь сложного творческого развития, какое продемонстрировал Толстой.

М. Б. Храпченко утверждает: не было «двух Толстых» — до и после духовного перелома, на рубеже 70—80-х годов, был всегда один, необычайно сложный и динамичный художественный мир гения. Эта важнейшая концепция получила в книге глубокую и разнообразную аргументацию.

Развернутый анализ ярко свидетельствует о том, что Толстой един и в искусстве эпического повествования, и в приемах психологического анализа. Поясняя известную мысль Толстого о его пристрастии к «генерализации» и «мелочности» в художественном изображении мира (первое — обращение к главным началам жизни, второе — к подробностям последней), исследователь полагает, что Толстой достиг гармонии этих художественных принципов уже в «Севастопольских рассказах» и «Казаках». И такая гармония не нарушалась до конца художественной деятельности писателя.

Автор книги не ограничивается подобной, хотя и важной, констатацией. Он ставит вопрос о том, что, во-первых, необходимо видеть толстовскую «генерализацию» не только в широких эпических картинах, но и в обрисовке художественных типов, а во-вторых, «мелочность», т. е. эстетическая детализация, присуща как воссозданию психологии персонажей, так и большим эпическим полотнам у Толстого.

Ученый касается всего широкого круга психологических изображений у Толстого. Он видит, как великий художник проникает во все «элементарные частицы» внутренней жизни героев, как он устанавливает связи некоторых душевных пробуждений даже с физиологическими процессами. Но при этом исследователь отвергает суждения тех, кто полагал, будто творческой манере Толстого свойственно воспевание стихийного явства, культ тела. Физическое интересовало писателя лишь как некий «исходный момент» куда более сложных нравственных проявлений личности.

Среди творческих приемов воссоздания духовного облика героев Толстого ученый выделяет «внутреннюю речь». И здесь у Толстого были, конечно, предшественники (снова, между прочим, в книге упоминается об опыте Гоголя), но у автора «Анны Карениной» внутренний монолог приобретает исключительное значение, становится совершенно естественной частью повествования (в этом плане творческие приемы Толстого могут быть сопоставлены лишь с опытом Достоевского).

В связи с анализом данной творческой манеры М. Б. Храпченко высказывает мысль, очень важную для всего современного толстоведения. Некоторые зарубежные русисты рассматривают внутренний монолог у Толстого как художественное явление, подготовившее литературу «потока сознания» в XX в., т. е. творческие принципы писателей типа Джойса и Кафки. Такая модернистская интерпретация толстовской поэтики опирается на убеждение в том, что внутренние монологи существуют как автономные компоненты стиля, независимые от изображения тех или иных характеров.